

Г.Ф. Тизенгаузен

Шестидесятые годы

**М. А. Антонович, Г. З. Елисеев
воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.Ф. Тизенгаузен**
Шестидесятые годы: М. А. Антонович, Г. З. Елисеев воспоминания / Г.Ф.
Тизенгаузен – М.: Книга по Требованию, 2021. – 606 с.

ISBN 978-5-458-17157-1

Вступительные статьи, комментарии и редакция В. Евгеньева-Максимова
и Г. Ф. Тизенгаузена.

ISBN 978-5-458-17157-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Однако, хотя внимание авторов воспоминаний приковано к образам этих четверых, все же эти образы берутся не изолированно: воспоминания изображают и их литературное окружение, состоявшее из ряда хотя и второстепенных, но все же заметных представителей литературно-разночинной среды; сюда относятся сами авторы воспоминаний, а также А. Н. Пыпин, Ю. Г. Жуковский, В. А. Слепцов и др. Из борцов враждебного разночинцам лагеря в «Воспоминаниях» некоторое место уделено А. И. Герцену, И. С. Тургеневу, М. Н. Каткову, А. А. Краевскому и др.

Видную роль в печатаемых мемуарах играют и те журналы, вокруг которых сосредоточилось освободительное движение 60—70-х гг., главным образом «Современник», но отчасти и «Отечественные Записки» первых лет народнической редакции.

Не лишне также добавить, что «Воспоминания», давая общую картину 60-х гг., с особым вниманием останавливаются на событиях, особенно интересных с общественно-литературной точки зрения, каковы, например, выступление Герцена против «Современника», поездка Чернышевского в Лондон, реакция 1862 г., покушение Каракозова на Александра II, арест Некрасова на квартире Елисеева, стихи Некрасова Комиссарову и Муравьеву, запрещение «Современника», переговоры Некрасова с Краевским, переход «Отечественных Записок» в руки народников, выступление Антоновича и Жуковского против «Отечественных Записок» и т. д., и т. п.

Лица, журналы, наконец, события изображены в «Воспоминаниях», само собой разумеется, под углом зрения той общественной группы, видными деятелями которой являлись их авторы. На всем содержании «Воспоминаний» лежит печать идеологии революционной демократии 60—70-х гг. К этому надо добавить, однако, что

на воспоминаниях Елисеева явно сказались не только старческое утомление, но и свойственный ему, особенно развившийся в 80-х гг., дух практицизма и оппортунизма.

Хотя, таким образом, мы в праве утверждать, что воспоминания Антоновича и Елисеева, в значительной своей части еще не появлявшиеся в печати, представляют собой материал несомненного историко-литературного и общественного значения, все же в интересах объективности следует отметить некоторые специфические их особенности, которые могут быть в иных случаях квалифицированы как недостатки.

Прежде всего и Антонович и Елисеев отнюдь не заботились о том, чтобы придать своим воспоминаниям характер художественный, тем более развлекательный. Они писали то, что помнили, почти не позволяя себе таких «вольностей», как диалогическая форма и другие способы беллетризации изложения. Отсюда чисто прозаический, деловой тон их воспоминаний.

Затем оба автора писали свои воспоминания через много лет после того, как произошли описываемые ими события: Елисеев, говоря круглыми цифрами — лет через 25, а Антонович — через 40—50 и более того лет. За этот период времени многое в их памяти должно было не только потускнеть, но и частично изгладиться. Быть может, сознавая это, быть может, не будучи в состоянии преодолеть тяготения к публицистике, оба мемуариста часто нарушают нить своего повествования, то вдаваясь в довольно пространные публицистические рассуждения (Елисеев), то высказываясь по поводу событий, относящихся ко времени, когда писались воспоминания, т. е. отделенных от времени, к которому относятся сами воспоминания, промежутком в несколько десятилетий (Антонович).

Далее, не следует забывать, что печатаемые воспоминания в некоторых своих частях носят определенно полемический характер. Это объясняется тем, что дружная некогда редакционная семья «Современника» после запрещения журнала распалась, и дуумвират, состоявший из Антоновича и Жуковского, занял резко враждебную позицию по отношению к триумвирату, состоявшему из Некрасова, Елисеева и Салтыкова-Шедрина. Вот почему Антонович и Елисеев изображают, а тем более объясняют некоторые события совершенно различно. Впрочем, это делает их воспоминания в иных случаях еще более ценными для истории.

Наконец, оба автора воспоминаний, стоящие на точке зрения «просветителей» 60-х гг., не могут, конечно, да и не пытаются вскрыть классовые корни описываемых ими партийных, групповых и личных столкновений, а также классовые мотивы поведения тех или иных деятелей.

Несмотря на все эти черты, воспоминания двух последних могикан некрасовского «Современника», несомненно, представляют большой интерес для познания эпохи 60-х годов.

М. А. АНТОНОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

М. А. АНТОНОВИЧ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

История русской литературы в течение долгих лет была сугубо немилостива к М. А. Антоновичу: о нем говорили редко, а если уж говорили, то в явно недоброжелательном тоне.

Вот наиболее обстоятельная из когда-либо появлявшихся в печати статей об Антоновиче — статья С. А. Венгерова («Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», СПб. 1889, т. I, стр. 666—683). В ней на основании сведений, полученных непосредственно от самого Антоновича, сообщается ряд ценных биографических и библиографических данных. Что же касается оценки Антоновича, то она дается в плане весьма упрощенном и в выражениях весьма решительных. «Если про Добролюбова, — пишет Венгеров, — можно сказать, что он всегда парит в облаках, то про Антоновича следует отметить, что он с особенной любовью копается в болоте... Исключение составляют только статьи, посвященные простому изложению разных книг... Но в самостоятельных статьях Антонович выступает больше всего в роли «разносителя» мелких литературных людшек и их мелких прегрешений. Таким же «разносителем» он остается в тех немногих случаях, когда отвлекается от мелких литературных дрызг и трактует о явлениях более крупного разбора... Во всю свою жизнь Антонович не написал ни одной *хвалебной статьи*... Как «ругатель» Антонович занимает

одно из первых мест в журнальной литературе 60-х гг., которая всего менее отличалась нежностью полемических приемов. Потребность ругать — в такой же степени органическое свойство писательской природы Антоновича, в какой для Добролюбова было органической потребностью искать совершенства.

С легкой руки Венгерова писательская репутация Антоновича в «историях» русской литературы и критики установилась очень прочно. «Историки» одни перед другими старались возможно крепче, возможно выразительнее «припечатать» Антоновича. Так, Н. Энгельгардт для характеристики полемических статей Антоновича не нашел другого определения, как «грязная пошлятина» («История русской литературы XIX столетия», СПб. 1902, т. I, стр. 169). И. Иванов квалифицирует статью Антоновича о романе «Отцы и дети» словами: «бесмыслица и гомерическая наивность» («История русской критики», СПб. 1900, ч. III—IV, стр. 664). Подобных, а иногда еще более резких оценок критических статей Антоновича можно было бы при желании набрать гораздо больше. Думается, в этом нет никакой надобности.

В дополнение к приведенным примерам возьмем еще лишь один и им закончим.

В книге, изданной в 1930 г., не только содержится утверждение, что «все критические отзывы Антоновича были бессмысленный вздор», но и приписываются Антоновичу, дожившему, как известно, до глубокой старости, такие, примерно, мысли: «Где же были мои глаза? И зачем только я брался за литературную критику, если я ничего в этом деле не смыслил, если перед лицом всякого произведения поэзии я был — как дурак, как нерожденный, как мертвый? Ведь чем славнее становятся имена оплеванных мною людей, тем больше

позора мне» (Предисловие к «Запискам Екатерины Жуковской», Ленинград 1930).

Дыма без огня не бывает. Утверждать, что Антонович не давал никаких поводов для подобных суждений было бы, конечно, неправильно. Запальчивость и резкость, бесспорно, отличительные черты критической манеры Антоновича. С другой стороны, его критическое дарование было и небольшим и не слишком ярким, а задача, которая перед ним встала, отличалась чрезвычайной трудностью: в наиболее реакционный отрезок 60-х гг. замещать Чернышевского и Добролюбова на посту первого критика журнала, стоявшего на самом левом фланге русской периодической печати. В результате Антоновичу не удалось избежать целого ряда более или менее крупных ошибок: и содержание некоторых из его критических работ, и неизмеримо грубая форма, в которую он нередко его облакал, конечно, не могли принести ни чести самому критику, ни большой пользы тому делу, за которое он ратовал.

Тем не менее, совершенно ясно, что Антонович ни в какой мере не заслуживает отзывов, подобных вышеприведенным. Если и правда, что ему часто приходилось выступать в качестве «разносителя», если и правда, что пылкость его критического темперамента заставляла его иной раз ругаться, то вопреки Венгерову, Энгельгардту, Иванову и другим, нельзя не признать, что его горячие и задорные критические наскоки вызывались соображениями принципиального порядка, а отнюдь не органической потребностью ругаться.

1862 и последующие годы, — а на них-то как раз и падает расцвет критической деятельности Антоновича, — характеризуются резким поправением и правительственных сфер, и поддерживавших их дворянско-буржуазных кругов тогдашнего русского общества,

поправлением, вызванным боязнью крестьянской революции, к которой призывала наиболее передовая часть разночинцев-демократов, с Чернышевским и Добролюбовым во главе. Если правительство боролось против «цигилистов» и «мальчишек» с помощью целого арсенала находившихся в его распоряжении репрессивных мер, относя к ним и различные способы дензурного воздействия на передовые журналы, то буржуазно-дворянская общественность вела эту борьбу отчасти в бытовом плане, а главным образом через те органы печати, которые находились в ее руках. Таким образом обстрел, которому подверглись журналы разночинцев-демократов, а прежде всего «Современник», происходил с разных сторон и угрожал самому их существованию. Тяжесть создавшегося положения усугублялась тем, что смерть Добролюбова (17 ноября 1861 г.) и арест Чернышевского (7 июля 1862 г.) лишили «Современник» наиболее авторитетных руководителей, являвшихся, в полном смысле этого слова, «вождями» революционной демократии 60-х гг. Борясь в подобной обстановке, трудно было сохранить хладнокровие, не горячиться, не нарушать так называемых «литературных приличий». Но горячась и «ругаясь», Антонович, повторяем, не сходил с принципиальных позиций. Он набрасывался, и набрасывался с яростью, исключительно на тех, кто предстояли его сознанию как враги — не его лично, а одушевлявших его и его соратников идей.

Ни за одну статью, кажется, так не бранили Антоновича, как за статью против «Отцов и детей» — «Асмодей нашего времени». Суть статьи — в доказательствах, что Базарова нельзя рассматривать как образ, вобравший в себя наиболее характерные черты разночинца-демократа, а потому имеющий типовое значение. Здесь не место для подробного анализа статьи Антоно-